

представители различных течений философии позитивизма считали, что получение достоверных исторических фактов возможно в ходе реконструкции прошлого. Различие в стратегии реконструкции в разных позитивистских школах вытекало из различий в общем философском отношении к прошлому;

у представителей так называемого первого позитивизма реконструкция исторических фактов заключалась прежде всего в установлении связи между ними, чтобы наряду с единичными установить «общие», которые они называли законами;

в школе неопозитивизма реконструкция отождествлялась с логическим анализом, главным требованием реконструкции являлась логическая непротиворечивость, основное внимание уделялось языку;

в философии постпозитивизма выдвигалось требование реконструкции исторической ситуации, в которой происходили рассматриваемые историком действия.

Для нашего исследования важно отметить, что главным положительным результатом позитивистских стратегий реконструкции исторических фактов было привнесение в историческую науку огромного фактического материала, исторических источников. Работа с историческими текстами и документами основывалась на точности и критичности их исследования. Историческая добросовестность отождествлялась с крайней скрупулезностью в исследовании любого фактического материала.

Примечания

¹ Библер В. С. Исторический факт как фрагмент действительности // Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969. С. 89.

² См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 107.

³ Там же.

⁴ Поппер К. Ницета историцизма. М., 1993. С. 44.

⁵ Carr E. H. What is History? L., 1964. P. 3.

⁶ Поппер К. Ницета историцизма // Вопр. философии. М., 1992. № 10. С. 48.

⁷ Конт О. Курс позитивной философии // Антология мировой философии : в 4 т. М., 1971. Т. 3. С. 554.

⁸ Там же. С. 555.

⁹ Гайденок П. П. Понимание времени в философии науки конца XIX – начала XX в. Э. Мах и А. Пуанкаре // Знание. Понимание. Умение. М., 2004. № 1. С. 176.

¹⁰ Милль Д. С. Система логики сил логической и индуктивной // Антология мировой философии. Т. 3. С. 604.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 605.

¹⁶ Мартынович С. Ф. Факт науки и его детерминация. Саратов, 1973. С. 73.

¹⁷ См.: Смоленский Н. И. Теория и методология истории. М., 2008. С. 243.

¹⁸ Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. М., 2000. С. 27.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 40.

²¹ См.: Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 127.

²² Арон Р. Избранное: введение в философию истории. М., 2000. С. 32.

²³ Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 233.

²⁴ Анисов А. М. Проблема познания прошлого // Философия науки. М., 1995. Вып. 1. С. 245.

²⁵ Там же.

УДК 1 (075.8)

ФИЛОСОФИЯ КАК ПРЕВРАЩЕННАЯ ФОРМА НАУЧНОГО РАЦИОНАЛИЗМА: РАДИКАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ НЕМЕЦКОЙ КЛАССИКИ

Г. Н. Калинина

Белгородский государственный институт культуры и искусств
E-mail: galakalinina@inbox.ru

В статье посредством философской и методологической экспликации важнейших радикальных философских новаций, представленных в гносеологических исследованиях немецких классиков, дано обоснование философии как превращенной формы научного рационализма данной эпохи. Исследуя границы компетенции разума, Кант сужает их; в гегелевской логико-исторической интерпретации феномен научного поступательного движения раскрывается как целостное, преемственное и растущее во времени связанное «тело» научного знания.

Ключевые слова: Кант, Гегель, философия, «превращенная форма», научный рационализм, космогония, гомогенность, разум, границы, «тело» научного знания.

Philosophy as Turned form of Scientific Rationalism: Radical Innovations of German Classic

G. N. Kalinina

Article by philosophical and methodological critical explanations of radical philosophical innovations presented in philosophical knowledge studies of German classics of the rationale of philosophy as a reason, form of scientific rationalism of the explosions at an epoch. Exploring the limits competence of Kant restricts them. In the historical interpretation of Hegel logic-scientific phenomenon is revealed as a coherent movement, succession «body» of scientific knowledge.

Key words: Kant, Hegel, philosophy, «turned form», scientific rationalism, cosmogony, homogeneity, mind, borders, «body» of scientific knowledge.

Обращение к докантовскому периоду философии Нового времени выявляет тройственную схему категориального членения мира, которая гарантировала его логическую гомогенность и познаваемость. Убрать из этой схемы Бога означало совершить коперниковский переворот в самом способе философской мысли. Это сделал Кант, система которого первой в ряду аналогичных дала объяснение из двух начал – человека и природы, – отнеся все остальное к «орудиям человеческого познания». Такой переход от трех к двум абсолютам выявил и обострил проблематику познаваемости. В соответствии с различиями в решении вопроса о способности человеческого ума к познанию принято различать «докритический» и «критический» периоды кантовской философии.

Теоретической основой и руководством докритических работ Канта с целью объяснения процесса развития Земли и органической жизни на ней послужили механистические принципы физической науки, идеи и принципы ньютоновой механики. В данной области Кант значительно расширил границы естественно-научного исследования, распространив его на вопросы происхождения и развития миров, сделав тем самым принципиальный шаг вперед по сравнению с Ньютоном. Философские же работы докритического периода навеяны рационализмом лейбницево-вольфовской школы с последующим разрывом с нею в области теории познания.

В XVII в. одновременно с признанием механистической картины мира получает широкое распространение понятие физикотеологии как попытки найти рациональное согласие между законами природы и их разумной первопричиной. «Ее научный язык принадлежал картезианству и ньютонианству, сохраняя при этом преемственность с пророческой традицией, существовавшей параллельно с научной революцией»¹. Физикотеологическая задача становится важнейшей в философском творчестве Канта – это мучительные размышления философа о возможном единстве материального и морального миров, поиски оснований согласия между законами природы и их разумной первопричиной. Уверенность Канта в возможности познания самих вещей и их причин можно объяснить рациональным толкованием лейбницевой «монадологии» и успехами космогонической теории, расширившей границы ньютоновского естествознания и существенным образом изменившей положение познающего конечного разума в рамках познаваемой системы мира, поскольку разум обрел наконец «ключ» к загадке «механизма Вселенной». Этот «ключ» Кант сумел извлечь из ньютоновского естествознания, совершив, по мнению А. Койре, радикальную трансформацию самого «ньютоновского мира»².

Решение физикотеологической задачи предполагало установление общезначимой и необходимой связи между материальным миром (телами, его наполняющими) и сверхчувственными сущностями (душой, Богом). В данной связи Кант, полемизируя со шведским мистиком Э. Сведенборгом, утверждает, что опытное познание ограничивается «знанием» лишь действия материальных сил, их проявлений в материально-протяженном виде, в то время как сама причина таких сил остается неизвестной. Он говорит о всеобщем «способе общения» материальных тел как носителей сил притяжения и отталкивания, противопоставляя его «способу общения» нематериальных объектов, или «духов», допуская возможность сверхчувственного «способа общения»³. Далее Кант пытается установить не просто логическую (формальную) аналогию между материальным и духовным бытием человека, которая могла бы основываться на методологических принципах единообразия и простоты всей сотворенной Богом природы (как это было в ньютоновском естествознании), а апеллируя к рассудку, найти «всеобщие и необходимые» закономерности метафизического единства материального и морального миров. Для познания существ, имеющих нематериальный способ существования (духов, или первопричины мира), предназначена, по Канту, такая способность субъекта, «при помощи которой он в состоянии представлять себе то, что по своей природе недоступно чувствам» и которую он называет рассудочностью или *разумностью*, еще не различая между собой данных понятий⁴. Это – важнейший пункт философской системы Канта, раскрывающий механизм возникновения научного знания: кантовское различие реального и логического применения рассудка позволило ему обнаружить сферу «чистого рассудка» («*intellectus purus*») и принадлежащие ему принципы.

«Критический» период ассоциируется с основным трудом – «Критикой чистого разума» – учением о законодательной роли рассудка с точки зрения априорной формы, сообщаемой знанию рассудком⁵. Говоря о возможности познаваемости или непознаваемости объектов умопостигаемого мира («вещей в себе»), Кант полагал, что способность познания одновременно и безгранична, и ограничена: *безгранична*, поскольку речь идет о познании явлений (природы) – в этом смысле «эмпирическая наука не знает никаких пределов для дальнейшего углубления и расширения <...> и неизвестно, как далеко зайдет мы на этом пути со временем»⁶. *Ограниченность же науки* понимается им в том смысле, что при любом расширении и углублении в свой предмет научное знание никогда не может быть знанием о том, что выходит за пределы необходимых и всеобщих логических форм, посредством которых осуществляется познание, т. е. знанием объективной реальности: «Во всяком случае, если бы даже и

вся природа раскрылась перед нами, мы никогда не получили бы ответа на трансцендентальные вопросы, выходящие за пределы природы...»⁷. В данном случае «вещь в себе» – это особые объекты умопостигаемого мира (бессмертие, свобода волеизъявления, божественная воля) в тех сферах познания, в которых живет неустрашимое требование гармонии между «нравственным поведением – нравственным умонастроением – счастьем», образующими в своем триединстве миропорядок, достижимый только в умопостигаемом мире.

Исследование проблемы достоверности знания ставится в зависимость от выявления условий, при которых возможен синтез чувственности и рассудка: «...без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один предмет не был бы мыслим». Поэтому, утверждает Кант, для достижения подлинного знания в одинаковой мере необходимо понятия делать чувственными, а наглядные представления подводить под понятия⁸. Различая рассудок и разум, Кант полагал, что рассудок подводит опытные понятия под категории, в то время как разум обеспечивает единство правил рассудка исходя из понятия цели. «Высшее, систематическое, следовательно, и целесообразное единство есть шкала, и даже основа возможности наиболее совершенного применения человеческого разума. Следовательно, идея этого единства неразрывно связана с сущностью нашего разума»⁹. Допущение возможности такого соединения лежит на пути обращения к форме (среди форм сознания), выполняющей роль звена, опосредующего связь категорий и чувственного созерцания (эта форма – время).

Подчеркивая активность человеческого разума, опирающегося на эксперимент, Кант в природе как предмете науки видит не то, что познано и уже освоено в опыте, но **возможность нового знания и нового опыта**, которая всякий раз оказывается перед познающим субъектом в роли таинственной «вещи в себе» – как «мир открытый». Здесь мы имеем дело с принципиально неформализуемыми в системе наличного опыта (и потому «непознаваемыми») остатками, с «вещью в себе», которая, согласно Канту, должна быть допущена к существованию на правах «детского места» нового знания, нового теоретического и практического отношения к природе. Этот всеобщий абстракт задает «монограмму» наличного и возможного теоретико-практического отношения к природе – в этом пункте, говорит М. К. Петров, и состоит «секрет» популярности Канта в науке¹⁰. Кроме того, кантовский регулятивный подход к Богу лишает человеческое познание абсолютной теологической опоры: посредством освобождения места вере (теперь уже в гетерономном мире) создается первая свободная от теологии территория науки.

Кант провозглашает логическую гетерономность мира, когда действуют логика объективной необходимости и логика свободы человеческого

выбора. Выбирая свободу, с которой неразрывно связано понятие автономии, немецкий классик утверждает всеобщий принцип нравственности и ответственности человека как субъекта морального закона. Представляется, что в данном кантовском постулате заданы важнейшие для всей последующей науки ориентиры и пределы возможного и допустимого в научном познавательном движении и прямо указаны онтологические границы, за которые наука не вправе распространять свою «сферу влияния», если в основу ее деятельности не положены нравственные императивы. Открытый характер системы Канта, где вся совокупность наличного опыта имеет лишь регулятивный характер (в то время как само знание совершается силами индивидуального мышления), для науки оказывается в большей мере привлекательным, нежели всякая замкнутость. Философская система Гегеля, напротив, замыкает мир в логическую форму с уже предзаданной, свершившейся историей наличного знания, что «сводит на нет» творческий поиск учёного.

Важно подчеркнуть: Кант, подвергая анализу передний край познания, четко определяет исходный «интуитивный» шаг научного творчества, когда ученый переходит от мысленного построения гипотезы, далее идя с ней (пока еще с пустой формой) к чувственности за содержанием, – планирует эксперимент. *Идея «априоризма» крайне важна для исследователя*, поскольку выражает момент научного творчества, фиксируя логическое опережение опыта и его логическую преформленность. И хотя сама идея «априоризма» не нова, Кант, опредметив в ней универсальное для творчества явление, показал его роль для научного познания – как неустрашимый из него момент выхода за рамки наличного, как момент отрицания полноты наличного знания в индивидуальном мышлении, наконец, как момент разложения наличного знания на составляющие и создания силами индивидуального мышления новых «пустых» связей. Причем, с точки зрения Канта, связь, будучи основным продуктом теоретического творчества, всегда нова и априорна: «...не предмет заключает в себе связь, только благодаря чему она может быть усмотрена рассудком, а сама связь есть функция рассудка, и сам рассудок есть не что иное, как “a priori” связывать и подводить многообразное содержание данных представлений под единство апперцепции. Этот принцип есть высшее основоположение во всем человеческом знании»¹¹. Кроме того, идея Канта об априорности всеобщего знания принципиально важна не только для философии, но и для сферы естественно-научного знания, выступая ориентиром в вопросах понимания познавательных возможностей человека. Об этом говорят современные отечественные исследователи, подчеркивая ее актуальность и значимость и для настоящего времени¹².

В диалектической логике Гегеля, особенность которой, как мы подчеркивали ранее, со-

стоит в том, что связи, системность, целостность, преемственность логически эксплицированы и представлены как независимые от индивидов существенные свойства самого процесса познания, т. е. самодвижения и саморазвития системы научного знания. Значимость философского смысла этого шага в том, что в диалектике Гегеля предмет теории познания впервые предстал не «россыпью», не конгломератом схем, мнений, а безличным связным целым, «телом», автономной, целостной и независимой от человека исторической реальностью, которую можно было теперь исследовать как нечто в себе законосообразное, несущее имманентную логику связи в целом и, возможно, логику собственного развития. Основанием автономности и одновременно преемственности «научного поступательного движения» Гегель полагал самоактивность содержания, в то время как форма выступает у него всего лишь как «омертвленный переходящий момент устойчивости и определенности, как фиксированная на содержании опора поступательного движения – ибо движет себя вперед содержание внутри себя, диалектика, которую оно имеет в самом себе»¹³.

В данном контексте можно сказать, что у Гегеля получили свое завершение нормы традиционной гносеологии Нового времени, когда пренебрежение к конечному, смертному, единичному существованию, к его пространственно-временным определениям выступало как типичная черта подхода к миру на предмет его познания. Такая предзаданность отменяет необходимость анализа векторности научного поступательного движения и процессов приложения результатов научных исследований соответственно. Однако сам феномен «научного поступательного движения», его автономности, положенный в основу диалектической логики, продолжает оставаться в активе философской проблематики, способствуя обоснованию предмета и постановке проблемы методов изучения процессов преемственного поступательного движения научного знания¹⁴.

Таким образом, проведенный анализ важнейших радикальных философских новаций Канта и Гегеля, в числе которых исследование условий возможности и границ достоверного априорного научного знания на пути синтеза чувственности и рассудка, раскрытие механизма его возникновения через обнаружение сферы «чистого рассудка» и принадлежащих ему принципов (у Канта) и феномен научного поступательного движения, представленный как рост «тела знания» (у Гегеля),

позволяют идентифицировать философские гносеологические исследования немецких классиков как превращенную форму научного рационализма данной эпохи.

Примечания

- ¹ Уэбстер Ч. От Парацельса до Ньютона. Магия и формирование современной науки // Современные историко-научные исследования (Ньютон). М., 1984. С. 279.
- ² См.: Койре А. Очерки истории философской мысли. М., 1985. С. 21–22.
- ³ Кант И. Грезы духовидца, проясненные грезами метафизики // Кант И. Соч. : в 6 т. М., 1964. Т. 2. С. 292.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Некоторые исследователи полагают, что под «критикой» сам Кант понимает точное выяснение познавательной способности, к которой обращается каждая отрасль знания и философия, а также исследование границ, за пределы которых не может простирается (в силу устройства самого сознания) компетенция теоретического и практического разума, философии искусства и философии природы. Причем вторая установка смещала предшествующую философскую проблематику в направлении приоритетности теории познания как основной философской науки, которая имеет первостепенной задачей ограничение компетенции разума (см.: Асмус В. Ф. Философия Иммануила Канта. М., 1957. С. 22).
- ⁶ Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч. : в 6 т. М., 1964. Т. 4. С. 334.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 335.
- ⁹ Там же. С. 67.
- ¹⁰ Петров М. К. Историко-философские исследования. М., 1996. С. 369.
- ¹¹ Кант И. Соч. : в 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 193.
- ¹² Так, например, исследования, проведенные в Лундском университете (Швеция), свидетельствуют о том, что многие фундаментальные константы (такие как гравитационная постоянная, масса электронов и др.), теоретически обоснованные и связанные с идеей априорности, в действительности, меняются во времени. А это означает, что модель Большого взрыва, выстроенная на логике необходимости, предполагает в дальнейшем необходимость изменения. Так что идея априорности, выдвинутая Кантом и подвергаемая критике во времена позитивизма, вполне своевременна и сегодня.
- ¹³ Гегель Г. В. Ф. Соч. : в 14 т. М., 1931. Т. 5. С. 34.
- ¹⁴ См.: Петров К. М. Указ. соч.